

Р₂
Л13.

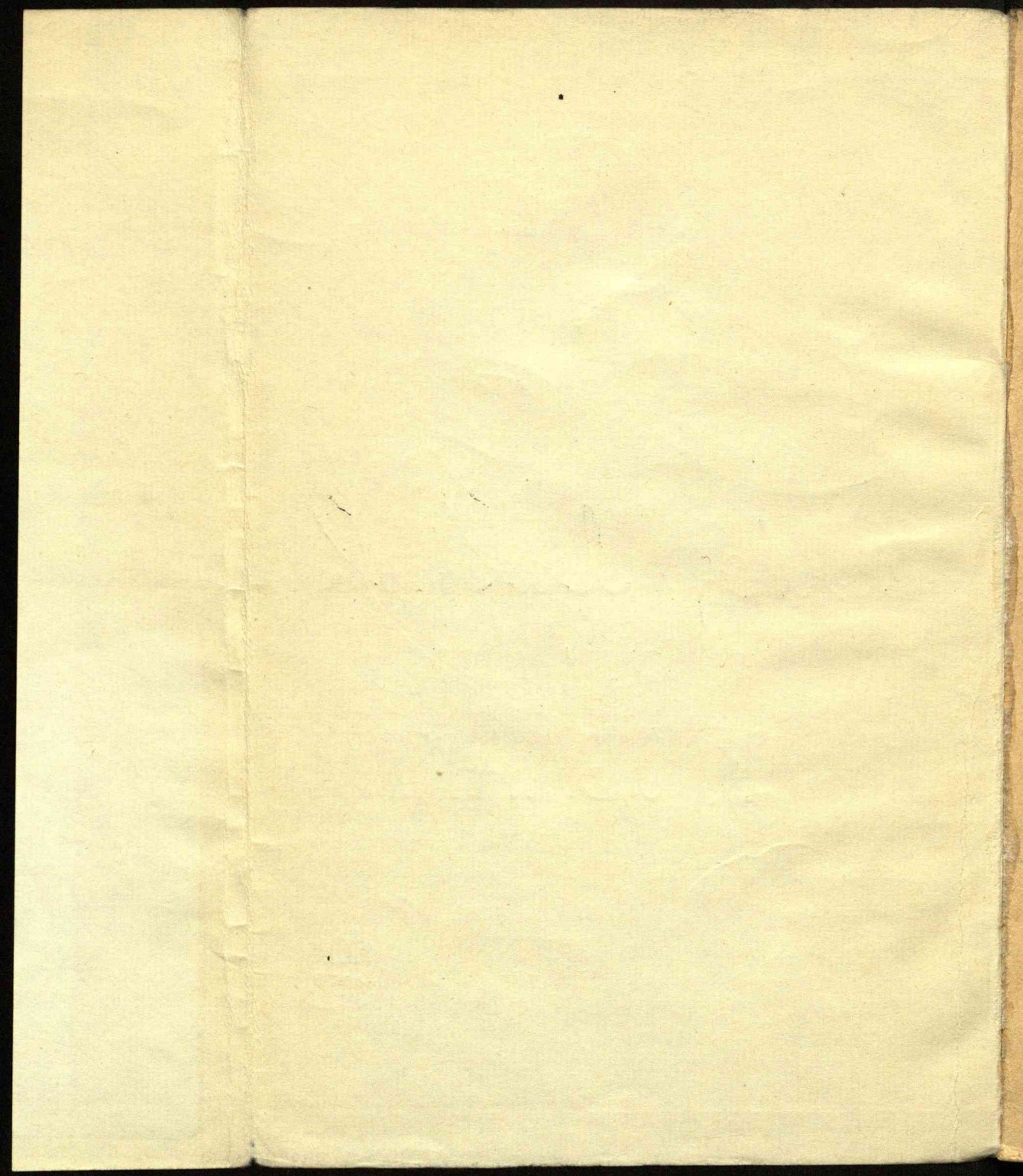

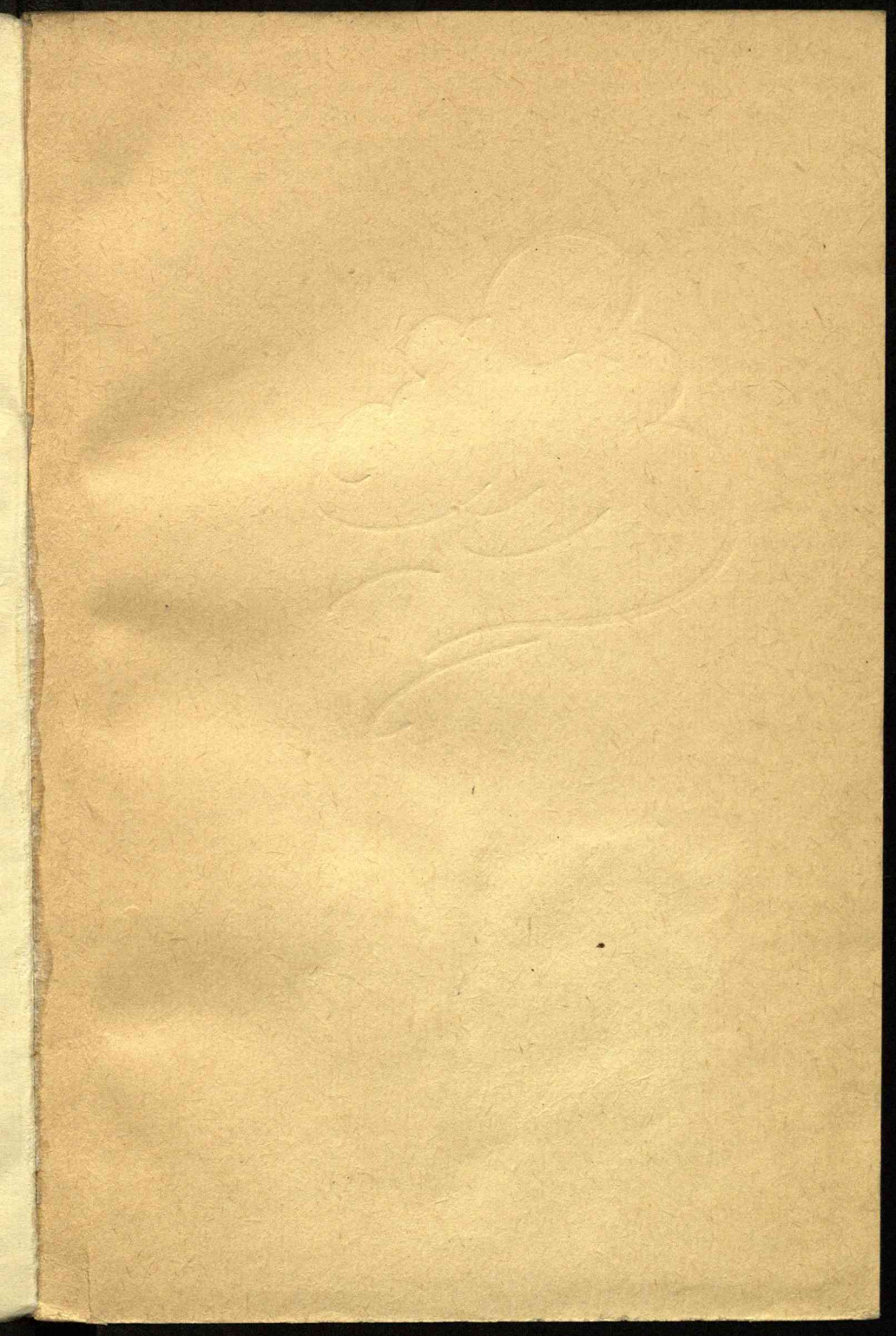
Ильи Лаврале

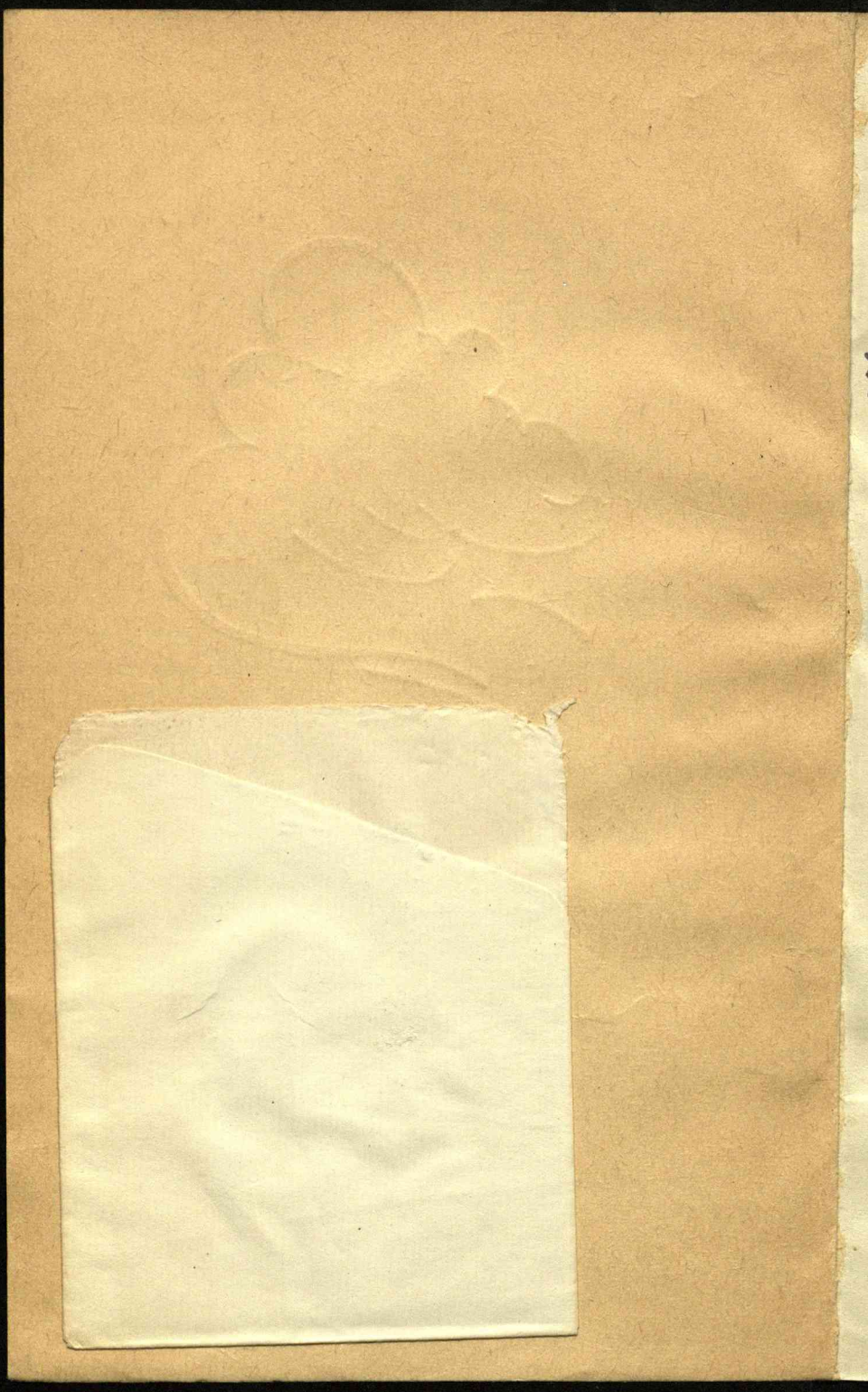
ОНИ ЛЕТАЛИ
К ОБЛАКАМ

ЧИТА
1958

С-22237

Р2
Л13

ИЛЬЯ ЛАВРОВ

ОНИ ЛЕТАЛИ
К
ОБЛАКАМ

*Повесть
рассказы*

Чит. обл. библиотеки
Фонд
кросс-ссылки

Читинская обл. библиотека
Книгохранилище

Читинское книжное издательство
1958

с 22237
2019

79

55
81A

FOR THE DIRECTOR
U. S. DEPARTMENT OF
AGRICULTURE

WASHINGTON, D. C.
MAY 19 1918

ОНИ ЛЕТАЛИ К ОБЛАКАМ

Любови Л.

1

Тоня пришла из бани. Мокрые волосы ее на за-
тылке застыли сосульками. Следом за Тоней папа
принес елку. Она была в снегу, седая и хрупкая от
мороза. Ее поставили к стене, и в комнате сразу похолодало.

Ах, если бы всегда было так беззаботно и весело!
Но это же не вечно.

А елка уже позеленела, свежо пахла лесом, с нее
капало. На вершине висели шишечки. Елка стала вся
липкой: где была обломлена веточка, там выступила
прозрачная капля смолы. По стволу текло — это рас-
таяли иней и снег. На газету под елкой: кап, кап, кап.
Точно елка рассказывала о прекрасных лесах, о снеж-
ных бурях, о чем-то бескрайнем и большом.

И тут зазвучала музыка. Тоня подбежала к прием-
нику, села на чемодан, уткнулась в колени. О чем она
думала? О чем тосковала?

Она уже в девятом классе. Кем же ей быть? Хорошо
бы стать композитором. Двое подружек уже кончили
музыкальную школу и собирались в консерваторию. А
она, Тоня, лишь часами просиживала у приемника и,
замерев, слушала музыку. И тосковала, сама не зная о
чем, рвалась, сама не зная куда.

— О музыке, милая моя, думать уже поздно, — как-
то сказал отец, — ею заниматься начинают с детства.

— Ну, а кем я буду, кем? — с отчаянием воскликнула Тоня.

Тоня оторвалась от приемника, встала коленями на стул и начала в который уж раз листать справочник для поступающих в вузы. В отчаянии перебирала десятки профессий и все они не нравились.

Эх, если не композитором, то хорошо бы стать актрисой. Она записалась в драмкружок, на концертах читала стихи. Но Тоня была очень низкого мнения о своей наружности. Разве она хоть немножко похожа на тех киноактрис, которые восхищали ее?

Она подошла к зеркалу на дверце шифоньера. Исподлобья, насупившись, рассматривала свое лицо. Оно показалось ей некрасивым, черным, носатым, губастым. А волосы-то, волосы! Жесткие, точно конский хвост. А фигура! Ну, что это за фигура? Безобразная, толстая. Да разве может быть актриса такой? Тоня, полная отвращения к себе, отвернулась от зеркала. Она почувствовала себя беспомощной, бесталанной, несчастной.

Пришла Женя Климова. Тоня дружила с ней потому, что Женя была некрасивой, маленькой, в конопутках.

Климова попросила: «Хождение по мукам».

— Ты лучше прочитай «Аэлиту». Это, знаешь, о полете на Марс. Ох, и здорово! — сказала Тоня, и здесь они, как всегда, разговорились о самом жгучем: кем же быть?

В голову все приходили красивые, необыкновенные профессии. Тоня вспомнила астрономов. Изучать бы необъятный мир небесных тел, бесконечную вселенную. Как восхищали ее поэтические названия звездных миров! Созвездия Малого Пса, Волосы Вероники, Корабль Арго, созвездия Лебедя, Лиры, Змееносца, Андромеды! Она даже в календаре читала, как стихи: «Сегодня Венера видна в лучах вечерней зари».

— Красивое слово «созвездие»? Правда? — спрашивала Тоня. — Оно какое-то... как-то серебром звенит. Правда?

Климова слушала Тоню, приоткрыв рот.

— Вон, видишь, цепочка из звезд? Полукруглая. Да ты не туда смотришь. Подожди, я выключу свет, — Тоня в темноте подвела Климову к окну, засыпанному

звездами. — Вот сюда смотри. Это Северная Корона. А вон, левее, созвездие Змееносца. А Волос Вероники еще нет. Это созвездие бывает весной.

— И откуда ты все это знаешь? — удивилась Климова.

— Из книг. И папа рассказывал. Знаешь, он сколько знает? Ого! Мы иногда долго-предолго стоим у окна и все разные созвездия отыскиваем. Хочешь, Женька, я расскажу тебе одну легенду? Ох, и интересная!

— Ага, расскажи, расскажи!

— Понимаешь, это было очень давно. В Египте. Был царь Птоломей и жена у него была Вероника. По всему Египту ее длинные волосы славилась. Знаешь, какие они были? Увидишь — ахнешь. Вот однажды муж ушел на войну. А Вероника очень-очень любила его. Поэтому взяла и поклялась богам: если, значит, муж останется живым, она принесет в жертву свои длинные волосы. И этот самый Птоломей взял да и вернулся. Тут Вероника и остригла волосы и отдала их в храм.

— Вот дура-то! — воскликнула Климова.

— Как это дура? Это же из-за любви! — возмутилась Тоня. — А из-за любви и жизнью жертвуют!

— Так богов же нет. Можно было и не стричь.

— А раньше верили в разных богов! Не мешай... Царь, как увидел ее остриженной, да как расстроился! Оба расстроились. Жена тоже. Плачет вовсю. Ну, шутишь ли, была красавицей-раскрасавицей и вдруг стриженная, как наш болван Гришка. Тогда приходит к ним астроном один, видит такое дело — и решил утешить их. Ночь была как раз. Подводит их к окну и показывает на красивый, знаешь, такой серебристо-туманный рой слабых звездочек и говорит: «Волосы царицы поразили богов, и боги превратили их в волшебное созвездие».

— Задурил им мозги! — смеется Климова.

— С тех пор это весеннее созвездие и зовут «Волосы Вероники». Ведь здорово: «Волосы Вероники»? Вот, наверное, косы так косы были у этой самой царицы!

Тоня, глядя в небо, вздохнула и уныло подергала свою жесткую косичку.

Тут раздалось гнусное хихиканье. О, если бы не жалко было цветочницу, Тоня запустила бы ею. Как она ненавидит этот голос. Это Гришка Савин. Они вме-

сте учатся и живут рядом. У них общий коридор и кухня.

Гришка включил свет и опять захихикал. Вместо лица у него козлиная морда. И рога торчат. Это Гришка, надев маску, прокрался в комнату и подслушивал. Он на все способен.

— Чего тебе нужно? Уходи отсюда! — рассердилась Тоня.

— Астрономы, актрисы, полеты на созвездия, Волосы Вероники, хи-хи-хи! — издевался, как всегда, Гришка. — А в доярки не хотите? А продавщицами, буфетчицами?! А на заводик токарями?!

— Тебя не спрашивают! Подслушиваешь тут, суешь всюду нос! Убирайся! — И Тоня запустила в него валяноком.

Гришка увернулся, заблеял козлом и убежал.

— Противный такой! Терпеть не могу!

— Чистоплюйки, белоручки, маменькины дочки! — орал из коридора ядовитый Гришка. — Розы любите, а навоз — нет! А землю-то навозом удобряют. Розы из навоза!

— Лягуха! — закричала Тоня самое обидное для Гришки.

Летом Тоня, школьный чемпион по плаванию среди девочек, шутя вступила в состязание с Гришей Савиным и настолько обогнала его, что все сказали:

— Ты рядом с Медведевой, как лягушка рядом с рыбой.

С тех пор и дразнила его Тоня «лягухой».

Как-то сидя в школе в комсомольской комнате, Гриша развернул баян, положил на него голову и, закрыв глаза, сказал, играя вальс «Амурские волны»:

— Уйду я в пожарники, тушить лесные пожары. А потом подамся к рыбакам на Байкал. Поплавак с годик и уйду в горы с геологами. А там и поминай, как звали! Везде можно хорошо работать. Если будешь ездить — такое увидишь, что и в книгах не прочитаешь.

Тоня фыркнула и сказала:

— Ты еще пойдешь в дворники.

— И это работа! — вызывающе ответил Гриша.

Гриша небольшой крепыш. Круглая, как арбуз, голова его острижена под машинку, голубые глаза веселые. Он постоянно что-то насвистывал, напевал, при-

плясывал. Вольный, беспечный, он любил не что-то придуманное, а то, что окружало его. Везде он чувствовал себя, как дома. Отец его, старший лейтенант, часто переезжал. И Гриша к чужим городам, к незнакомым людям, к новой школе приноравливался очень быстро и легко. Попадая в новый город, он не думал о старом, заводя новую дружбу, не тосковал о прежней.

А Тоня жила необыкновенными мечтами.

— Мудришь ты! — и Гриша улыбался, обнажая неровные, очень белые зубы. — Ах, ах, дайте мне небесное, а то я испачкаю руки о землю!

— А ты, лягуха, ройся в своем навозе и не приставай ко мне! — выходила из себя Тоня.

Их стычки, схватки все учащались. Они уже не выносили друг друга.

Гриша не упускал случая, чтобы испортить настроение Тоне. Вот испортил он его и в этот вечер.

Когда Женя Климова ушла, Тоня снова задумалась о театральном институте.

Она, угрюмо взглянув в зеркало, показала язык и обругала себя:

— Каракатица!

Сделав физзарядку, Тоня обняла стул и принялась танцевать с ним вальс. Каждый день она проводила такие занятия. А кроме этого еще отказывалась от завтрака и ужина. И все это для того, чтобы стать хрупкой и тоненькой, как одна любимая кинозвезда.

На самом же деле Тоня была милее многих подружек. По-восточному смуглая, с косками, с блистающими серыми глазами, с яркими губами, совсем не толстая, а крепкая, — она хороша была своей свежей юностью. Но взяв за образец кинозвезду, Тоня тиранила себя презрением.

Ночью она слушала, как по газете шелкало: кап, кап, точно и ель плакала вместе с нею...

Гордая, застенчивая, Тоня так и росла, глядя на все исподлобья, угрюмо. Она стала порывистой и скрытной.

А время шло. Весь девятый класс Тоня терзалась: «Неужели не примут в театральный?»

И весь десятый класс тоже терзалась: «А если не примут — куда же идти?»

...Для выпускного вечера откупили кафе. На бело-

снежных скатертях стояли пламенные букеты саранок, осыпая красную пылью.

Гремела музыка. Яркоглазые девочки в белых новых платьях танцевали, полные веры и надежды. Прощались со школой, с детством.

А Тоня по-прежнему чувствовала себя хуже всех, толще всех, неуклюжее всех. Она не выходила из-за столика и грустно отхлебывала из бокала золотистый пузырящийся лимонад. Сердце ее тревожно замирало. Она предчувствовала, что теперь-то и наступает самое трудное, самое суровое.

Подходили ребята, звали:

— Идем, Тоня, танцевать.

А она фальшиво улыбалась:

— Я так устала. У меня ноги дрожат.

— От сиденья устала?—язвил Гриша.

Потом все ушли в лес. В роще было глухо и темно. Подстелив газеты, сидели на берегу реки у костров, пели, купались. Гриша играл на баяне грустные и красивые вальсы. Но только все растанцуются, как он вдруг начинал отхватывать «барыню». Тоню злило это. Она обняла Климову. Женя очень низким и сильным голосом уверенно говорила:

— Два года поработаю на заводе, а потом в институт. На конструктора.

И Тоня верила, что она своего добьется.

— Вот здорово, если тебя примут в театральный!— Женя поправила на лбу Тони прядку волос.—Будешь актрисой!

— Не примут. Конкурс большой,—вдохнула Тоня и сама испугалась своих слов.

Теплая тьма сгустилась вокруг них. В костре бегали желтые, сиреневые, зеленые огоньки, трескаясь, тоненько звенели золотые, легкие, почти прозрачные угли. Сырые ветви взрывались, шелкали, иногда в костре долго и печально пищало, потом шипело, словно плеснули воду. Костер о чем-то разговаривал, предупреждал, тревожился. И Тоня понимала его. Она палочкой рылась в углях и, озаренная пламенем, сама не подозревала, как хороша сейчас своей молодостью...

Потом посинело. Над водой поползли белые струйки пара. От реки потянуло холодом. Тоня зябко повела плечами. И тут из-за таежных сопки медленно и вели-

чаво выплыли алые облака. Бледная от бессонной ночи, Тоня смотрела на них широко открытыми глазами. А облака, насквозь просвеченные зарей, выплывали и выплывали отдельно друг от друга, заполняя всю ширь неба. И в реке тоже плыли густо-алые облака.

Тоня задохнулась, точно ее окликнул кто-то очень дорогой, давно ожидаемый. Окликнул, позвал, поманил. Она поднялась и, полная ожиданий, смятения, пошла навстречу солнцу. Оно уже показывало ослепительный краешек.

Тропинку ей загородил Гриша Савин. В белых брюках, в белой, шелковой рубашке, голубоглазый, он был очень приятный. Но Тоне он был, как и прежде, противен.

— Что, в облаках все витаешь? В розовых?— и он пропел:—«Я б землю покинув и в небо злитав»,—и раскатиисто засмеялся.

— Уйди,—тихо сказала Тоня, бледнея.

— Волосы Вероники! Волосы Вероники!— Он посмеивался добродушно, а Тоне чудилось — злорадно. И словно все, что стояло в жизни на пути к мечте, сейчас собралось в этом ненавистном человеке, и Тоня изо всей силы толкнула Гришу. Он взмахнул руками, повалился с высокого берега. Взметнулся столб воды и брызг. Тоня увидела, как жадно хватая воздух, Гриша всплыл. Она заплакала от ярости и быстро пошла домой. Гриша, мокрый, грязный, бросился за ней, но его окружили ребята. Волосы прилипли ко лбу, с грязно-серых брюк текли ручьи.

— Жаль, что девчонка, а то бы я ей показал, — проговорил он, дрожа от холода...

2

Еще учась в школе, Гриша так увлекся парашютным спортом, что стал подумывать о работе, связанной с ним.

Во время учебных прыжков он познакомился на аэродроме с пожарными парашютистами. Узнав все об этой неведомой работе, он понял: нашел то, что искал. Он прошел еще одни месячные курсы и был принят на работу.

Как раз в это время отца перевели в Красноярск, и Гриша переехал в общежитие.

Поселили его в комнату с Челомбитько и Омутovým. Они недавно вернулись из армии. Его сразу же полюбили за веселый нрав и за баян.

В первую ночь спалось удивительно хорошо. Подушка и матрац временно были набиты сеном. Оно хрустело и пахло. Грише снилось, что он лежит в поле. Сено пролезло через наволочку. Утром проснулся, а щеки в царапинках...

Особенно понравился Грише степенный, хозяйственный Челомбитько. Он и шпагатинку не бросит и спичку сэкономит, уважая труд людей, которые делали их.

Мечтал он завести домик, семью, и говорил об этом как-то приятно, со вкусом, открывая в улыбке очень редкие, узкие, как спички, зубы. Грише нравилось его добродушие, подчеркнутое украинскими словечками, его крестьянская рассудительность, его пшеничные усы и спокойная отвага. Выброситься из самолета для него было все равно, что стакан воды выпить.

А второй сосед, Омутóв, Грише был неприятен. Красивый, сильный, молодой, он без конца старчески брюзжал и совершенно не понимал шуток.

...Григорий проверил парашют, приладил к нему ножик и взглянул на бездонное небо с пушистыми облаками, похожими на огромные вербные барашки. Задумчиво улыбаясь, он тихонько насвистывал.

Кругом расстилалось поле аэродрома, в цветах и траве. На дорожках его серебрились самолеты. Под их могуче разброшенными крыльями ходили командиры тяжелых кораблей. Вдали голубел аэровокзал.

Черно-белая колбаса, надутая ветром, как полосатое чудовище, тянулось к какой-то жертве. Ее бока то раздувались, то опадали, точно она жадно дышала.

Вдали синели сопки и тайга. Гриша пружинисто, мягко ходил около приземистого «Анта» и все улыбался.

Сегодня первый день его работы. Он летел тушить горящую тайгу.

Все семь человек проверили парашюты, установили их в ряд. Появилась летчик-наблюдатель Инна Петровна Стрижова. У нее огненно-рыжие волосы, раздутые, тонкие ноздри, полные губы и ярко-черные, насмешливые глаза с голубыми белками. На ней зеленый, ловко

пригнанный к стройной фигуре комбинезон и красный берет.

Всегда резкая, порывистая, во всем яркая, властная, она понравилась Грише. Строго и придирчиво осмотрела каждый парашют и особо задержалась около Гриши.

— Сегодня у вас боевое крещение,— сказала она.— Ни пуха ни пера!

...«Ант» плыл под облаками. Григорий всем сердцем чувствовал солнечное приволье, безграничный простор, вереницы теплых облаков над головой, немислимую глубину неба и всю красу земли на сотни километров.

Самолет дрожал, сильно кренился.

Внутри самолета натянут стальной трос, а парашютисты прицеплены к нему веревками-фалами. Веревки двигаются по тросу, и Гриша скалит зубы:

— Мы, как дворовые Полканы!— смешивает всех, он гавкает. Парашютисты возбуждены перед прыжком.

Инна Петровна и пилот делают расчеты, учитывая силу ветра и скорость движения. Потом она цепляет свою веревку за трос и распахивает дверцу. В самолет с шумом хлещет почти твердый ветер. Дребезжит звонок-сигнал пилота, и Стрижова сбрасывает пристрелочный парашют с грузом.

Он опустился точно на поляну.

Инна дала команду приготовиться.

Гриша стоял у дверцы первым. Он увидел полную света бездну с зеленым дном. И даже опьянел от стука сердца, от риска, опасности. Звонок острой тревогой вонзился в сердце, и Гриша шагнул в манящую и сладко ужасающую бездну. Перехватило дыхание от беспомощности в воздухе, когда падал камнем. За спиной зашуршало, потом над головой глухо хлопнуло и резко трянуло. Исчезло ощущение беспомощности. За плечами будто выросли крылья. Лямки плотно сжали грудь, врезались. Он взглянул на белоснежный, шелковый купол, подергал тугие стропы—все в порядке.

А следом уже сыпались остальные шесть человек, раздавались хлопки, расцветали белые купола парашютов.

Григорий плывет в высоте, и все его существо, потрясенное стремительным падением в бездну, сейчас ликует от величавых пространств, от ветра, который треплет комбинезон, от сияния, от того, что ему сейчас по-

нятна жизнь птицы, от того, что опасность миновала и он живет, живет.

Воздух уже полон шума и криков. Здесь на высоте звуки особенно чисты и резки. Ребята, пережившие тревожный миг, возбуждены и радостны.

— Эй, Григорий, жив?—звучит добродушный бас Челомбитько.

— Как будто жив,—отозвался Гриша.

— Теперь тебе осталось повиснуть на сосне в горящем лесу, и ты будешь пожарник что надо!

Гриша захохотал, а потом крикнул:

— Эй, Оматов, держи штаны, чтоб не упали.

Тот сразу же обиделся и промолчал.

Сильно пахло гарью. Над лесом поднимались белые клубы дыма. Гриша увидел тени товарищей, несущиеся по поляне, поболтал ногами, засмеялся и громко запел:

— Крутится, вертится шар голубой...

Потом схватился за стропы, притянул один бок, управляя спуском. Земля совсем уже близко. Поляна всей зеленью несется к нему. Гриша насторожился, зорко смотрел, готовясь к толчку о землю. Вот, вот сейчас. И он сжал ноги, крепко ударился и повалился.

Большущий купол парашюта повергся на бок и пузырился, дышал среди голубых колокольчиков.

Вокруг с шумом опускались товарищи, шуршал белый шелк, устилая пестрые сугробы цветов.

— Ну, вот и порядок!—Гриша глубоко дышал, сверкая глазами.

Самолет, едва не задев вершины сосен, пронесся над поляной. В открытую дверцу видна была Инна. Она сбросила тюк с лопатами, топорами и опрыскивателями. Он тяжело грохнулся. Самолет снова развернулся, Инна проверила все ли благополучно.

Гриша сорвал кожаную шапочку, замахал ею. Самолет покачал крыльями, унесся.

Суета, полет, прыжки, тревога — все это опьянило. И было радостно от того, что столько еще интересного ожидало впереди...

На поляне воздух душный, мутный, пахло горелой хвоей, сучками, шишками. Вещи спрятали в кустах и двинулись к пожару.

Сосновый лес стоял на песчаных холмах. Здесь еще сохранились следы старого пожара. Низом—по хвое,

по хрупкому валежнику — когда-то стремительно про-
текло гудящее пламя. Всюду валялись головешки, обго-
релые сучья, уныло чернели пни, похожие на сидящих
угрюмых людей. У берез и сосен стволы снизу черные, в
копоти. Валялись когда-то спиленные лесины, бока у них
выгорели, и лесины превратились в колоды. На березах
гремела ржавая, засохшая от огня листва. Желтели
мертвые рощицы опаленных сосенок. Большие, обгоре-
лые сосны торчали голыми жердями. Все валялось чер-
ное, мертвое.

«Вот он что делает, пожар-то», — подумал Гриша.

Парашютисты опустились в низину, где густо, как
трава, рос соснячок. Продирались, закрывая лица рука-
ми. Всех облепила паутина.

Дым в лесу становился все гуще и гуще. Он ел глаза,
в горле першило. Гриша, кашляя, пытался горланить
песню, Омуты морщился, а Челомбитько степенно, по-
хозяйски рассуждал:

— Ведь это шо таке робытся? Пылае тайга-матуш-
ка. Из года в год в десятках мист пылае та пылае, хоть
плачь. А кто поджигает? Человек.

— Не человек, а болван! — поправил Гриша.

— Вот и я так же кажу, — продолжал рассуждать
Челомбитько. — Тайга его кормить, поить, одевае, а он
ее же палит. Лень ему, ворогу, затушить костер после
соби или заплевать сигаретку. Уйдет из тайги, а после
него полыхает радяньске добро.

Между стволов дым уже не полз, а клубился.

— Ребята! Смотрите, смотрите, — зашептал Гриша.

Все увидели что-то коричневое, лохматое, большое.

— Вот дьявол! Медвежище! Топтыгин! — все шептал
азартно Гриша. Омуты побледнел.

Мишка, смешно косолапя, подбрасывая грузный зад,
вломился в чащу и напролом понесся к реке.

— От пожара, собака, улепетывает! — и Гриша прон-
зительно засвистел, заулюлюкал.

— Брось, а то, пожалуй, вернется! — испуганно оста-
новил Омуты.

— Э, его калачом не заманишь сюда! — возбужденно
кричал Гриша. Он опять засвистел, а потом залаял.

— Вернулся, вернулся! — вдруг завопил Григорий.
Омуты шарахнулся к сосне. Все захохотали.

— И что за шутки, ей-богу, — рассердился Омуты.

Около старой огромной березы Челомбитько наткнулся на козу. Ему показалось, что она спит. Он упал, схватился за тонкие ножки с игрушечными копытцами. Но коза даже не шелохнулась.

— Чи дохлая? Чи стреляная?—Челомбитько осмотрел светлое брюшко, серые бока, но раны не было.

— Шо же это с ей приключилось, ума не приложу?

— А вот и кровь!— Гриша пощупал на лбу козы темное мокрое пятно. Но это была рана не от пули. Гриша увидел на коре березы ссадину, прилипшие волоски. Тогда и поняли: коза попала в кольцо пожара, обезумев, понеслась прямо через огонь и ослепленная дымом, ужасом со всей силой ударилась о березу и убилась.

— Донюшка ты моя, донюшка,— ласково бормотал Челомбитько, разрезая козе горло. Потекла свежая, темная кровь.

— Недавно черепок раскокала. Вполне глодать можно,—радовался он,—вот мы тебя и в костерик, матушку. Станешь ты шашлычком. Крой, хлопцы, працуйте, а я ее, кохану, освежую. Потом налопаемся.— И он почмокал толстыми губами. Глаза его смотрели на козу с умилением, точно он делал для нее что-то очень хорошее, о чем коза всю жизнь мечтала.

— Ишь ты, кохает, а сам горло полосонул,— покачал головой Гриша.

— Ну, а як же, хлопче, коза для того и живе, штоб чоловік исты мог ее. А для якогось тогда она биса? Вот я за мяско и кажу ей спасибо.

— Хозяйчик ты... во всем видишь пользу. Ну, а если коза для красоты?

— Эге, с одной красоты, хлопче, ноги протягнешь.

— Ну и гусь ты,— усмехнулся Гриша.

Три человека, пересекая путь огню, рыли канаву в мертвом слое из сухих веток, шишек, хвои, изопревшей травы и мха. В основном эта лесная подстилка и горела густо дымясь. Омутов орудовал ранцевым опрыскивателем, гася огонь химикатами. Баллон болтался на боку. Омутов накачивал воздух, точно насосом надувал велосипедную шину. Мутная струя из резинового шланга обдавала деревья и кусты мельчайшим дождиком, проводила мокрую полосу, подойдя к которой огонь сразу же умирал.

Гриша и еще один парашютист срубили по березке.

«Ну, вот и началась моя новая жизнь»,—весело подумал Гриша и пошел в глубь леса, березкой захлестывая огонь...

3

Тоня потом не могла без содрогания вспоминать всю эту московскую историю.

Когда она вышла на середину театрального фойе читать перед комиссией и увидела за столом знаменитых артистов, мускулы ее одеревенели, голос охрип. Она, не зная куда деть руки, механически и фальшиво продекламировала стихотворение. А потом не могла вспомнить, как выполнила заданный этюд.

Тоня не поехала домой. Ей было стыдно встречаться с родными, с педагогами.

Не доехав до родного города, она сошла в селе, где жила бабушка.

С одной стороны села величественный, таинственный Байкал, с другой стороны—необъятная тайга. В селе пахло пресным морем, скошенным сеном, соснами. Село небольшое и ужасно пустынное. Только под вечер появлялись рыбаки, охотники, из тайги выходили женщины, неся корзины. Тоня видела черно-дымчатые и красные ягоды, маслянистые, липкие грибы, облепленные зелеными волосками травинки.

Вокруг избы частокол из ивовых палок. Их воткнули в сырую землю и палки зазеленели, пустили ветви, листву.

В углу двора черная корова с белыми пятнами и с длинными белыми ресницами жевала свежескошенную траву с цветами. Бегали цыплята, словно катались одуванчики. На плетне сушилась сеть, поблескивая рыбой чешуей.

Вот сюда Тоня и привезла свое отчаяние, горе и растерянность.

Дед, могучий таежник и рыбак, с орлиными, зоркими глазами, с громающим, поразительным голосом и с несокрушимой бодростью, пытался развеселить внучку любимой поговоркой:

— Наплевать, что нечего надевать—знай наряжайся!

... Проснувшись рано утром, Тоня почувствовала се-

бя разбитой, точно всю ночь работала. На душе было тоскливо, тяжело. Она вышла из избы и увидела белое туманное небо, а в нем плывущие черные лодки. Они висели в седом воздухе и взмахивали веслами. Тоня удивилась, но тут же поняла: это Байкал. Он курился молочным туманом и сливался с небом.

Стыдливо поозиравшись, Тоня сбросила платье на влажную от росы гальку и, охнув, вошла в дымящийся, жгучий Байкал. Стоя по горло в воде, она видела пальцы на своих ногах. От холода захватило дыхание. Тоня принялась быстро плавать саженками, на спине, на боку. Она чувствовала себя гибкой, легкой рыбой и плыла почти не погружаясь. В хрустальной воде она была видна вся, точно висела в воздухе. Под ней на чистом песке барахталась черная тень.

Из Байкала выскочила розовая, свежая. Все тело словно покалывало иголочками. И на душе стало будто полегче.

Придя домой, заплела мокрые, жесткие волосы и напилась парного молока. Ну, а дальше что? Что же дальше? Так вот и сидеть, ждать у моря погоды? Тоня ушла в огород, легла на траву, уткнулась в руку. Лежала долго и хотелось ей зареветь в голос, закричать.

Она вскочила, зашла в избу, мрачно завязала в носовой платок краюшку хлеба, пару огурцов и стремительно пошла по берегу Байкала.

Среди таежных зарослей распахивались поляны то ярко-желтые, то сплошь лиловые, то в ромашках, точно в снегу, то синие, синие от голубики. Ягоды было столько, что красные туфли покрылись лиловыми пятнами. «Заблудиться бы, что ли! Пускай волки разорвут. Так мне и надо», — подумала Тоня.

Потянуло дымом. Она испуганно остановилась, а потом, оглядываясь, побежала к Байкалу.

Густой лес — вплотную к озеру. На берегу лежали вывороченные, полужасосанные песком голые, мертвые деревья с черными змеями корней. На узкую полосу песка и гальки волны набросали корье, сучья, деревья.

Тоня села у воды на теплый, розовый камень, разулась, вытряхнула из туфель песок, вытащила огурец, разрешила перочинным ножиком, посолила и не смогла есть.

Жизнь ей казалась жестокой, несправедливой. «Что

же делать, если я не хочу быть инженером, медиком, токарем?—спрашивала она весь белый свет.— Если я хочу быть только актрисой? Неужели у меня совсем нет способностей? Кем же мне теперь быть? И как заниматься тем, что не по душе?»

Тоня почувствовала себя усталой, обреченной на серые будни. Глаза ее смотрели тоскливо, руки на коленях лежали бессильно, точно она уже все потеряла.

Вокруг Байкала горы ошетинились дремучим лесом. Они местами подступали прямо к воде. Волны лизали их камни, зеленые от плесени. Облака висели ниже вершин. С гор, пенясь, бежало в озеро триста тридцать ледяных и чистых речек.

«На площади Байкала может уместиться вся Бельгия»,—назойливо ныла в голове фраза из учебника...

4

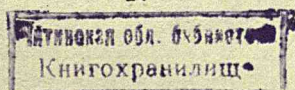
Этот день, как и предыдущие, начался радостно. Гриша проверил парашют, надел комбинезон, наточил о брусок ножик, необходимый парашютисту.

...И вот оно небо, и вот они светлые клубы облаков, а совсем близко безбрежное мерцание Байкала и растрепанные, вздыбленные косы дыма над лесом. Гриша несется над землей. Если б кто-нибудь знал, как это ему по душе, какой он сейчас добрый и веселый. Это все от неба, от полета, от леса, который он спасает...

Сначала выбросились Омутов и Челомбитько. Трос дважды сильно дернулся и, отстав от самолета, уже глубоко внизу, распустились два тугих, пенно-белых купола, а на тонких, красиво натянутых стропях повисли черные фигурки. Инна следила за их спуском.

Она втянула болтавшиеся веревки-фалы и кивнула Грише. Самолет описал круг, подлетел к нужному месту. Гриша услышал звонок и шагнул в воздух. А через миг он поразился: мощный порыв ветра начал заваливать купол на бок. Внизу неслась земля. Его тащило над лесом к Байкалу.

В стороне на фоне высокой черной тучи быстро и тревожно бежали низкие, белые облачка. Тугая, шумящая масса воздуха, захватив Гришу, могучим валом валила через горящий лес...

Это была демоверсия книги - Они летали к облакам: повесть и рассказы

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34